

Александр КАРАБАЕВ,
зам. гендиректора Центра постсоветских
исследований ИАЦ МГУ

Апрельский звонок от Баку

*Парад вооруженных сил Азербайджана демонстрирует
серьезно возросший потенциал*

Апрельский успех вооруженных сил Азербайджана, серьезно потеснивших армянские силы на ряде участков линии фронта, стал своеобразным тестом отношений Баку и Москвы, показав, во-первых, их прочность в столь непростой ситуации, а во-вторых, желание Кремля использовать возникшие новые возможности для вывода процесса разрешения карабахского конфликта из застоя.

Последовавшие после боевых столкновений 2-5 апреля 2016 года действия российского руководства недвусмысленно продемонстрировали, что **наиболее предпочтительный вариант подвигек в карабахском вопросе Кремль видит в такой модели, которая укрепит позиции России как в Азербайджане, так и в Армении** для целей региональной безопасности и будущего макроэкономического развития. Задача более чем непростая, долговременная, и на разных этапах данная модель вызывает дискуссии и споры с обеих сторон конфликта. В ситуации, когда все мирные, «переговорные» способы движения к постепенному выходу из создавшегося тупика оказались невозможны, Россия стремится сохранить гарантированную возможность и действенные рычаги влияния на возможные военные действия, ведущие к изменению статус-кво, который сложился к середине 1990-х.

Сознательно выбранная Москвой роль основного поставщика военной техники для Азербайджана, приведшая к значительному укреплению его боевого потенциала, впервые проявилась в 2010-2011 годах, когда был заключен ряд масштабных соглашений на поставку двух дивизионов зенитных ракетных комплексов С-300ПМУ-2, нескольких батарей зенитных комплексов «Тор-2МЭ», 60 многоцелевых вертолетов Ми-17 и 24 Ми-35М. Стоимость тех контрактов оценивается в три миллиарда долларов, а дата завершения поставок обозначена 2017 годом. Планомерное усиление Кремлем военно-технического потенциала Азербайджана (http://nvo.ng.ru/wars/2016-05-13/1_karabah.html) - **не просто содействие выгодным экспортным контрактам российских оборонных концернов, а долговременная политическая линия, продолжение которой публично подтверждено уже после апрельских операций высокопоставленными российскими чиновниками.** Находясь в Баку 8 апреля, «оборонный» вице-премьер Дмитрий Rogozin подчеркнул, что

Карта Азербайджанской Республики с указанием оккупированных территорий

Россия продолжит поставлять Азербайджану оружие как стратегическому партнеру в соответствии с заключенными контрактами. Это стало дополнительным доказательством того, что выбранная Москвой линия не деформирована апрельской эскалацией в Карабахе, как того могли ожидать в Ереване.

Вокруг конфликта, и в особенности вокруг усилий посредников, плетется масса интриг, завязанных на клубок интересов и противоречий. Всех подспудных уровней мы, наверное, не узнаем никогда, разве что только из материалов архивов, которые будут открыты для общественности спустя десятилетия. Тем не менее, определенный набор острых вопросов требует вынесения на суд общественности разных стран, заинтересованных в разрешении конфликта, что само по себе дает возможность получить ответы, возможно не столь очевидные, но, тем не менее, близкие реальному положению вещей. Попытаемся рассмотреть некоторые из них.

Звонок из Баку: Карабах возвращается в топ-рейтинги мировой политики. Главный

внешнеполитический результат, которого добился Азербайджан проведением активных контрнаступательных действий в зоне конфликта - это **возвращение карабахской проблемы на топовые позиции международной повестки дня евразийского региона.** Дело, конечно, не в заголовках ведущих СМИ типа «Госсекретарь Керри и глава МИД Лавров обсуждают карабахский кризис», а то реальное внимание Москвы и Вашингтона, которое удалось приковать к кризису после определенного периода международного «равнодушия» к теме урегулирования. Давайте посмотрим динамике подъемов и спадов переговорного процесса последнего десятилетия.

Нынешний набор принципов урегулирования - так называемых «мадридских принципов» стал результатом «пражского процесса», когда в 2004 году в Праге стартовала серия встреч министров иностранных дел Азербайджана и Армении. В конце апреля того же года в Варшаве была проведена встреча президентов двух стран, которая по сути и стала толчком для переговорного процесса, поставленного «на паузу» в 2002 году в связи с оче-

редным циклом президентских и парламентских выборов в Азербайджане и Армении.

К 2005 году на обсуждение был вынесен четвёртый на тот момент, смешанный («пакетно-поэтапный») план, которым предполагалось предварительное согласование основных принципов урегулирования. В апреле-июле 2006 года сопредседатели Минской группы опубликовали серию заявлений, в которых была раскрыта часть обсуждаемых предложений - **поэтапный вывод армянских сил и демилитаризация оккупированных территорий, окружающих Нагорный Карабах** (в границах советского НКАО), **специальный режим для Лачинского и Кяльбаджарского районов** (в том числе создание коридора между Нагорным Карабахом и Арменией) **и проведение референдума об окончательном определении статуса Нагорного Карабаха, после возвращения в него азербайджанских беженцев**. Также предполагался ввод миротворцев в зону конфликта, международная помощь в разминировании и восстановлении оккупированных территорий и районов Нагорного Карабаха, затронутых войной. Предварительная версия принципов урегулирования конфликта, названных впоследствии «мадридскими», была передана конфликтующим сторонам в ноябре 2007 года в Мадриде.

Затем наступает новая полоса спада внешнего внимания к конфликту – на этот раз в связи с меж-

Азербайджанский флаг на освобожденной высоте Ляля-тепе

дународным признанием Косова (15 февраля 2008 года) и российско-грузинской войной в августе 2008 года. Серьезный кризис в отношениях Баку и «тройки» МГ ОБСЕ возник **в марте 2008 года, когда в ходе Генассамблеи ООН по требованию Баку была принята Резолюция 62/243 «Положение на оккупированных территориях Азербайджана»**. Резолюция была следствием крупнейшего на тот момент после 1994 года военного столкновения в оккупированном Агдеринском районе возле села Левонарх. США, Франция и Россия по ряду причин отказались поддержать Азербайджан. Резолюция была принята большинством голосов, Баку не оказался в изоляции, но осадок остался. Осенью того же года политические и стратегические последствия российско-грузинского конфликта вновь возвращают Карабах в эпицентр российской внешней политики.

Танк армянской армии, уничтоженный прямым попаданием

Огонь ведут тяжелые огнемётные установки ТОС-1 «Солнцек» вооруженных сил Азербайджана

Этот период уже связан с Дмитрием Медведевым. В ноябре 2008 года российскому президенту Медведеву удалось то, что не удавалось до тех пор никому - Ильхам Алиев и Серж Саргсян поставили свои подписи под общим документом, названным Майндорфской декларацией, в которой упор делался на установление мер доверия между сторонами переговоров. Тогда, в ноябре 2008 это событие вызвало прилив оптимизма у наблюдателей, которые назвали декларацию предвестником скорого урегулирования затянувшегося на десятилетия территориального спора. Увы, ожидания не оправдались.

Серия трехсторонних встреч под эгидой дипломатии Дмитрия Медведева привела к определенному прорыву в Казани 24 июня 2011 года. «Казанские договоренности» по большому счету так и остались за кулисами, о них нет достоверной информации, а скорее спекуляции на различном уровне, комментирующие официальные высказывания и пресс-релизы. Когда подобные комментарии исходят из уст высшего руководства одной из сторон конфликта, то становятся резонансными. В апрельском интервью агентству Bloomberg президент Серж Саргсян заявил, что после Казани был готов пойти на передачу части оккупированных районов Азербайджану, но согла-

шения были сорваны. До сих пор не понятно, блефовал ли армянский президент, или же Ереван действительно готов был пойти навстречу вследствие казанских решений. Также нужно учитывать, что само интервью Bloomberg - элемент шантажа Москвы и всей МГ ОБСЕ угрозой выхода Армении из переговоров.

Если взглянуть на апрельские военные операции в контексте всей истории переговоров, то можно сделать вывод, что **контрнаступательная операция, одобренная президентом Алиевым, фактически означает начало реализации мадридских принципов - но только силовым путем.** Тем самым Ильхам Алиев не просто вернул Карабаху статус важнейшей темы внешнеполитических дискуссий, но и поставил державы-модераторы урегулирования перед фактом необходимости радикальных решений по преодолению переговорного тупика. Кстати, это отразилось и на формате венских переговоров президентов Азербайджана и Армении. Впервые в них приняли участие не только сопредседатели Минской группы, но и главы внешнеполитических ведомств США, России, Франции и Евросоюза.

Нужно заметить, что в значительной степени **«карабахский вызов» адресован именно России, которая взвалила на свои плечи насле-**

дие советского распада. Способность Кремля замораживать конфликт и управлять процессами в этом «холодном» режиме мы уже видели. Намеченный на август визит президента РФ Владимира Путина в Баку должен показать, насколько Москва как ведущий региональный игрок готова нести бремя ответственности в изменившейся карабахской ситуации. В данном случае, когда мы говорим о необходимости управлять карабахскими процессами в быстрой динамике и с множеством имеющихся рисков, мы имеем в виду способность Москвы вывести стороны на «новое плато» политических договоренностей, потому как возвращение в прежнее статус-кво уже практически невозможно.

Неработающий горячий «мир». Одна из задач российского президента - оформить новый этап карабахского процесса серьезным нормативным актом, более обязательным к исполнению, чем соглашение о прекращении огня от 12 мая 1994 года.

Готовность Баку и Еревана к переговорам, показанная встречей в Вене, и стремление МГ ОБСЕ сохранить общее русло мирного процесса должны подкрепляться неработающим соглашением о прекращении огня. Таков один из парадоксов не только армяно-азербайджанского карабахского этно-территориального конфликта - за неимением другой «нормативной» базы, посредники пытаются втиснуть стороны конфликта в прокрустово ложе бездействующего документа, лишь формально ограждающего от военной эскалации.

Заметим, что **соглашение о перемирии на сегодняшний день не действует по трем пунктам.** Первый - количество и масштаб военных инцидентов происходящих на линии соприкосновения сторон. Долгое время негласная «норма» инцидентов находилась в коридоре отдельных перестрелок снайперов, правда, случавшихся еженедельно. 4 марта 2008 года этот барьер оказался пройден в результате вышеупомянутого столкновения у села Левонарх. По оценкам сторон, в этом бою с применением тяжелой техники и артиллерии погибло от 2 до 15 бойцов. **Данный случай фактически обозначил новую «норму» так называемого карабахского статус-кво, в которой количество еженедельных перестрелок перевалило за сотню.** Следующим этапом обострения стало активное использование азербайджанскими ВС десантно-штурмовых групп для прорыва

обороны противника. Один из самых громких эпизодов произошел в июне 2010 года возле села Чайлы: погибло более пяти бойцов. Данный эпизод ознаменовал один из крупнейших моментов патриотического подъема в Азербайджане. В ходе столкновения произошел бой азербайджанского прапорщика Мубариза Ибрагимова с четырьмя армянскими бойцами - все участники боя погибли. Последующие события стала индикатором отношения общества к конфликту - Ибрагимову было присвоено звание национального героя, а его самоотверженность стала примером в воспитании азербайджанского патриотизма: в его честь были переименованы улицы, названо несколько школ и спущенное на воду новое судно группы компаний «Palmalı». Спортсмен из приморского Ленкярана Эльшан Салаев, проплывший за 8,5 часа 30 км в Каспийском море, посвятил это достиже-

Село Сейсулан, отбитое азербайджанской армией

ние М.Ибрагимову. К чему это перечисление? Понятно, что такая эйфория выглядит для стороннего наблюдателя антиармянской накачкой пропагандистской машины. Однако **для Азербайджана смысл в другом - долгое время в обществе накапливался пессимизм относительно возможности военной победы, и даже недоверие к своей армии, в силу совокупности ряда факторов проигравшей войну в середине 1990-х. Поэтому поступок Ибрагимова породил в глазах общественного менталитета своего рода социальное ожидание обратного - надежду,** и для многих азербайджанцев, прежде всего молодого поколения, это стало сигналом, что военный путь не закрыт. Тем самым данный случай явился

дополнительным фактором, подрывающим основу соглашения о прекращении огня от 12 мая 1994 года.

Еще один значительный эпизод в этом же ряду - сбитый в ноябре 2014 года вертолет Ми-24 армянских ВВС, демонстративно использовавшийся у самой линии фронта в рамках оперативно-тактических учений «Единство-2014». В последующий период, еще до апрельского столкновения, стороны конфликта вышли «на норму» в более ста обстрелов ежедневно, нередко с использованием 120-миллиметровых минометов. Забегая вперед, отметим, что размораживание конфликта стало следствием политики России по изменению статус-кво и, как следствие, баланса сил Армении и Азербайджана. Ниже мы покажем, что это не было ошибкой или системным сбоем внешнеполитического планирования.

Но вернемся к соглашению от 12 мая 1994 года. Второй момент, о котором следует упомянуть - **соглашение о прекращении огня предусматривало развертывание передовой группы наблюдателей**. Кто они такие - офицеры миссии ОБСЕ, полицейские силы или миротворцы? Если мы обратимся к тексту Бишкекского протокола Межпарламентской ассамблеи СНГ от 5 мая 1994, на который опирается соглашение о перемирии, то в нем следом за пунктом о прекращении огня указано: «обсудить инициативу о создании миротворческих сил СНГ» - именно в контексте карабахского урегулирования. Кроме того, протокол о доверии между военными ведомствами (также одна из основ перемирия, прямо зафиксированная в преамбуле соглашения от 12.05.1994), подписанный 18 февраля того же года в Москве в присутствии главы Минобороны РФ Павла Грачева, **прямо и не указывал необходимость введения миротворцев, но этот пункт был ключевым в посреднической миссии Грачева**, на что указывают мемуарные источники. В то же время Азербайджан уже тогда сопротивлялся вводу исключительно российских миротворцев, почему спустя три дня после подписания Бишкекского протокола азербайджанской стороной было поставлено условие добавить в текст упоминание международных наблюдателей.

Наконец, третий оставшийся на бумаге пункт Соглашения от 12.05.1994 - «необходимость заключения мирного договора (соглашения о прекращении конфликта) не позднее 22 мая 1994 года». Здесь

уже комментарии излишни, поезд давно ушел.

Вообще же после апрельских боестолкновений сложилась некоторая иллюзия, что соглашения о прекращении огня более значимы, чем, например, Бишкекский протокол. Ценность перемирия не в самом документе, а в наличии политических договоренностей, достигаемых на закрытых от публики и большинства дипломатов контактах высших лиц и военного руководства России, Азербайджана и Армении. **Соглашение от 12 мая, как и Бишкекский протокол и более раннее заявление Совета глав государств СНГ от 15 апреля 1994 г., стали публичным отголоском ранее проделанной работы, в частности договоренности на уровне военных сил участников конфликта, достигнутой 18 февраля** под эгидой министра обороны РФ. Понятно, что остановить боевые действия удастся далеко не сразу, даже когда принято принципиальное решение об их окончании. Главный вывод, который вытекает из истории урегулирования 1994 года, - способность Москвы серьезно влиять на участников конфликта. Конечно, нынешний формат СНГ для этого не подходит, но способности России изменить ситуацию никто не отменял, как и не подвергал серьезному сомнению.

Таким образом, мы имеем дело с очевидным парадоксом - практически бездействующее соглашение о перемирии является едва ли не единственным «последним» документом, на котором базируется публичная дипломатия всех участников МГ ОБСЕ. Накануне венской встречи и после нее глава МИД Лавров и госсекретарь Керри практически единодушно подтверждали важность соглашений 1994 года. Тем не менее, для всех, включая посредников, очевидно, что процесс урегулирова-

Наличие оперативно-тактических ракет «Точка-У» азербайджанской армии позволяет наносить удары на всю глубину обороны противника и по его стратегическим объектам

ния в тупике - нужен новый, более решительный этап, ключи от которого скорее в руках Москвы.

Вот почему перед Владимиром Путиным стоит задача оформить новый этап новым нормативным актом, более действенным, чем соглашение от 12 мая. Правда есть опасность, что история повторится.

Мечом и плугом. Что может быть стимулом для внимания России к региону? **Линию Москвы можно назвать «и меч, и орало», то есть воен-**

- плуг) имеет прямое отношение к экономической политике РФ в отношении Азербайджана.

Стоит напомнить, что «Ростсельмаш» планировал открытие сборочного производства сельскохозяйственной техники в Азербайджане. А в планах сельскохозяйственных министерств Азербайджана и России формирование рабочей группы как по сотрудничеству в области агропромышленных комплексов, так и по вопросам поставок сельскохозяйственной техники. Возможно, это будет не

Тяжелые огнемётные установки ТОС-1 «Солнцепок» вооруженных сил Азербайджана в состоянии разрушить любые типы полевых укреплений

ное усиление, сопряженное с экономическими программами развития. Три миллиарда долларов военных контрактов только с Баку до 2017 года, интенсивное втягивание Еревана в ЕАЭС, поощрение агроэкспорта обеих стран на российские рынки, трансрегиональные программы развития и прочие проекты - в русле постепенного и целенаправленного движения к цели. Анонсированный Д.Рогозиным интерес совместной межправительственной комиссии к проектам в области машиностроения может быть связан с **расширением агропромышленных проектов Москвы и Баку.** Поэтому метафора с оралом (на церковнославянском

один машиностроительный завод, а несколько, для того, чтобы в перспективе в рамках программы локализации сократить импорт комплектующих из России и наладить их производство в Азербайджане. В свою очередь, сырье для агропереработки на азербайджанских предприятиях будет также поступать из Ирана.

Еще один межотраслевой проект - **фармакологический кластер.** Несколько российских компаний из Санкт-Петербурга и Уральского региона готовы осуществить высокотехнологичные проекты по созданию в Азербайджане современной фармацевтики. Новая отрасль даст двойной эффект:

во-первых, позволит России на практике экспортировать свои технологии в регион Южного Кавказа, во-вторых, на азербайджанском рынке появятся лекарства хорошего качества, которые будут приобретаться гражданами и закупаться государством без валютных затрат.

Будущее двусторонних и многосторонних отношений, равно как и перспектива послевоенного развития карабахских районов, - именно за такими совместными высокотехнологичными предприятиями в рамках модели внешнего импортозамещения. В этих проектах будут участвовать и третьи страны, в частности, Иран, с которым связаны перспективы трансрегионального развития. Сотрудничество с Ираном становится одним из приоритетов России и Азербайджана. При этом нужно понимать, что **для России первостепенную важность имеет вся связка Азербайджан – Армения - Иран. Только регион в целом может перевесить отдельные контракты и проекты по отдельным векторам. Но главную роль в регионе играет Азербайджан. Если это представление верное, то разрешение карабахского конфликта - в интересах укрепления позиций России.** Причем в этом случае интересы РФ в Азербайджане будут умножены на позиции российской

Модернизированная бронетехника ВС Азербайджанской Республики

экономики в Армении: открытие транспортных коммуникаций разблокирует торговые связи, создаст более благоприятный инвестиционный климат, появится возможность создания электроэнергетических «мостов» для роста промышленного потенциала российских предприятий в Армении.

Урегулирование карабахского конфликта не будет скорым, но промежуточные результаты должны показывать всем заинтересованным сторонам, что путь выбран. Если этим процессом дирижировать выверенно и аккуратно, то большой войны между Азербайджаном и Арменией можно избежать. Тем не менее, локальные тактические столкновения, по-видимому, неизбежны. Нарушение баланса имело место отнюдь не в апреле 2016 года.

Заметим, что проблема «фиксации рынка» ВТС, которой часто объясняют продажу вооружений, могла быть решена выработкой политики общего эмбарго на поставки вооружений Армении и Азербайджану. Технически такое было бы осуществимо, учитывая согласованность работы держав МГ ОБСЕ: за все годы конфликта ни Москва, ни Вашингтон не предлагали установления даже частичного эмбарго на продажу легальных военных средств сторонам конфликта. Хотя эта тема

могла стать причиной конкуренции и взаимовытеснения США и РФ из региона. Но этого не произошло. Поэтому при желании Россия могла бы создать такой режим, который не позволил бы проникнуть в регион ее конкурентам по оружейному экспорту.

С точки зрения Путина. Наконец, о главном механизме карабахского урегулирования. **Многое, если не всё, зависит лично от президента Владимира Путина, имеющего хорошие и уже длительные дружеские отношения с президентом Ильхамом Алиевым, и, что не менее важно, - его способности серьезно влиять на президента Армении.** В то же время сам конфликт получает действенные импульсы к разрешению в рамках разноскоростной и разноформатной экономической интеграции под эгидой РФ. Армению «заталкивают» в ЕАЭС (в 2015 году Армения стала лидером по темпам роста поставок внутри ЕАЭС: молочной продукции в 2,5 раза, овощной продукции и табачных изделий – вдвое, фармацевтики и мебели – на 50%). С Азербайджаном развивают экономическое сотрудничество, создавая благоприятные возможности для совместных проектов в разных отраслях. Обе страны вовлекаются в орбиту России на более сложный уровень взаимодействия. С другой стороны, возникает пауза в украинском кризисе, сирийский конфликт вошел в рамки рутины. В результате образуется ниша в графике Путина, которую может занять карабахский процесс.

Итак, подведем первоначальные итоги. В политической плоскости преимущества, достигнутые Баку, очевидны. Это видно, как говорится, невооруженным глазом. Во-первых, **Москва по существу поддержала Баку уже тем, что больше суток не вмешивалась в события после явного успеха наступления азербайджанской армии.** Это очень важный момент, потому как стопроцентной уверенности в лояльной позиции Кремля не было. Расчет Баку оказался верным. Официальная позиция Москвы - нейтралитет.

Второй момент - когда Кремль все-таки вмешался, **Путин не сделал критической оценки с осуждением в адрес Баку, которую ожидали в Ереване.** Да, многие говорили, что подобной критики не будет, поскольку Азербайджан действует на своей территории. Но приходилось считаться со всей совокупностью реакций Путина на международные кризисы последних месяцев. Но рас-

чет Алиева и здесь оказался верен. Долгие годы российские эксперты говорили о необходимости балансов в нагорно-карабахском конфликте и вообще по векторам отношений Москва-Ереван, Москва-Баку. Это имело место и действует в ряде случаев до сих пор (параллельность визитов Дмитрия Медведева в Ереван и Баку лишней раз это подчеркивает). Азербайджану по понятным причинам сложившийся статус-кво не нужен. И этот статус-кво оказался нарушен силовым путем. **Если бы прежние правила балансирования (удержания статус-кво) были так ценны для Кремля или необходимы для обеспечения российских интересов, Москва бы однозначно нашла возможности для давления на Баку:** определенного рода санкции, торговые ограничения, либо иной тип «быстрого» давления - в частности, замораживание военных контрактов.

Итак, Кремль, видимо, в какой-то мере готов к изменению статус-кво в пользу Азербайджана при сохранении рычагов влияния на ситуацию, и продолжение военных контрактов - только штрих. Характерно, что вице-премьер Дмитрий Рогозин высказался об этом вслух, хотя графики поставок по соглашениям 2010-2011 годов и новые сделки в области ВТС редко выносятся на публику. И это, конечно, не самая приятная новость для Еревана. ❀

After the fighting of 2-5 April 2016, when the Azerbaijani army seriously pressed the Armenian forces in a number of sections of the front line, the actions of the Russian leadership demonstrated that the Kremlin sees the most preferred option for progress in the Karabakh issue in a model that will strengthen the positions of Russia in both Azerbaijan and Armenia for regional security objectives and future macroeconomic development. In a situation where all peaceful ways out of the impasse proved impossible, Russia seeks to maintain a guaranteed opportunity and effective levers of influence on a possible military change in the status quo that developed in the mid-1990s. Today, the Kremlin is showing signs of readiness to change the status quo in favor of Azerbaijan, while maintaining leverage over the situation. The article also provides a brief overview of the dynamics of the negotiations on the Karabakh conflict settlement since 2004, characterizes the significant escalation of tensions on the contact line of the parties since 2008 and its impact on public sentiment in Azerbaijan..